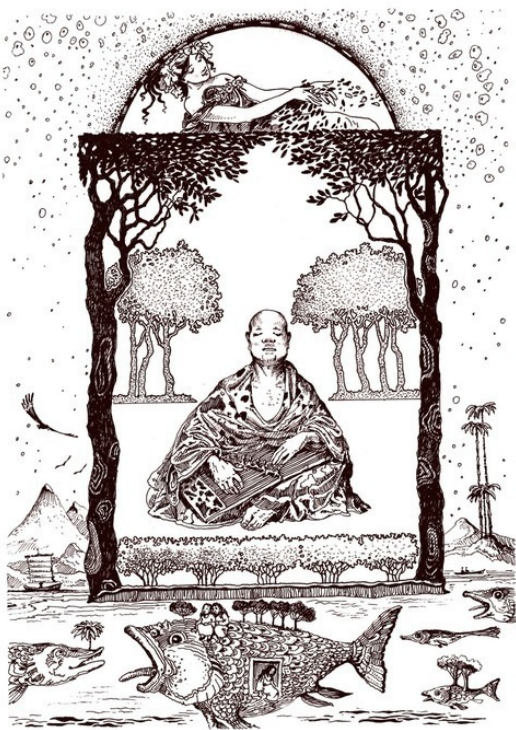

ПАВЕЛ РУПАСОВ

Маленькие путешествия

Павел Рупасов

Маленькие путешествия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194481
ISBN 9785447451349

Аннотация

Прочтёте и захочется в путешествие... Автор призывает: Жизнь вокруг! Пойдём посмотрим мир! Нам покажут! Важная часть путешествия – построение гипотез, маразмов и химер о том, что видишь. Эти тексты можно назвать лирическими, вместе с тем, перед нами интеллектуальная художественная проза.

Содержание

Городская среда	7
Севастополь. Омега	7
Чего нет в автобусе	11
Феодосийский базар	14
Осень на новороссийском рейде	19
Реновация в ритме ценностей XIX века	20
Выставка Сейдамета	24
Письмо Сейдамета	29
Человек в сберегательном банке	33
Две реальности в банке	38
Мариинский театр. Опера «Конек-Горбунок»	42
Я гуляю по Вишневому	45
Новороссийск	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Маленькие путешествия

Павел Рупасов

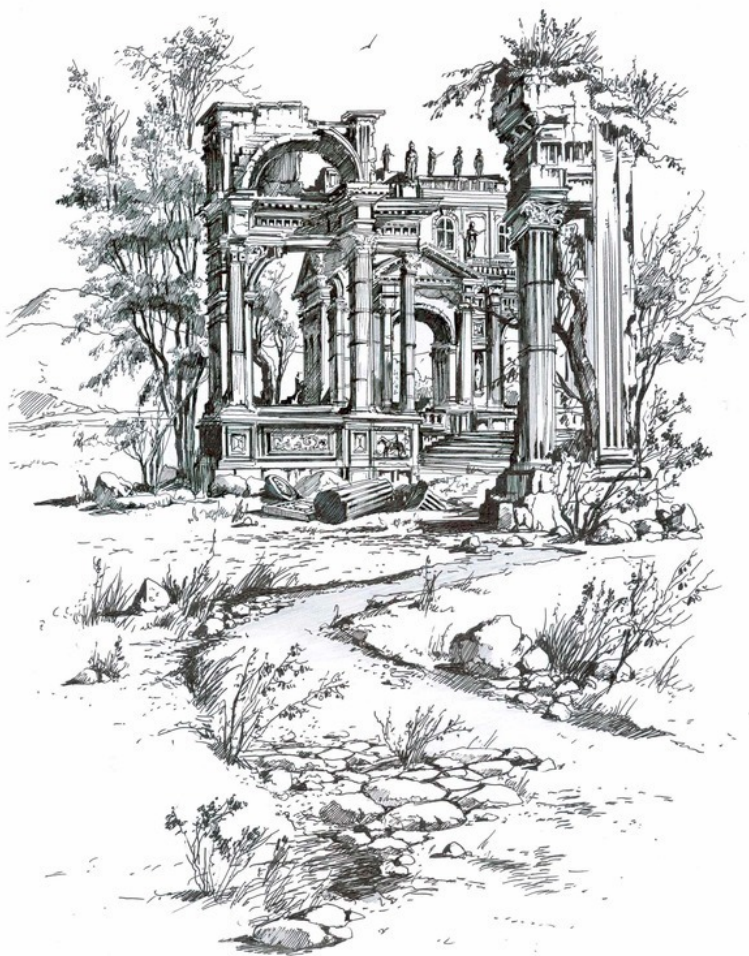
© Павел Рупасов, 2016

© Оксана Хейлик, иллюстрации, 2016

Редактор Андрей Вадимович Грунтовский

Корректор Алла Никандрова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Городская среда

Севастополь. Омега

Май 2006 года

Городок со времен первых страстей библейских назывался Севастополис. И с тех пор здесь живут старенькие родители всех, кто вынужден был покинуть греческий рай ради российской северной родины праотцев. Я регулярно наведы-

ваюсь сюда, чтобы увидеть, что в существующем порядке вещей ничего не изменилось, есть еще вкус к жизни и страданиям... и не тронута земля эта лишними признаками цивилизации.

Я жду троллейбуса на остановке «Омега». «Омега» – это не последняя остановка в жизни человека, это пляж. Ничего против этого не имея, я еду из госпиталя, где моему папе сделали операцию. Грыжесечение это не Бог весть как сложно, но в 75 лет... К тому же только папа знает, сколько нужно было перенести тяжестей в этом райском месте, чтобы Было так, Как оно было...

У входа в магазин собака – псевдокормящая мать – просит еду, пользуясь неподражаемо-печальным взглядом сказочно-глубоких карих глаз и своей ложной беременностью. Я ей немного не верю, потому что три месяца назад, когда я был здесь по тем же причинам и с той же целью, собака была та же и предлог у нее был тот же. Я ей немного не верю, хотя взгляд у нее очень искренний и вымечек у нее столько же, сколько у римской волчицы... На лавочке со мной рядом сидят временем вскормленные местные пьяные Ромул и Рем, обсуждая вопросы строительства нового возрождения новой империи.

Я еду в троллейбусе. Спереди, сверху и сбоку меня ровные, плоские девичьи животы с бедрами, с висюльками в пупке и без. Жизнь заставила самых молодых рисковать благополучием урогенитальной сферы. ...Есть мнение, что

трусики «внутку» тоже очень неудобно было носить, пока не выработалась видовая устойчивость к этому новому фактору естественного отбора. Теперь всем удобно, о чем дружно свидетельствует весь пляж имени последней греческой буквы.

Я думаю, хорошо, что это у меня началось — я вдруг начал видеть животы и пупы. Видимо, не только я один ослеп и оглох — все человечество смотрит куда-то внутрь себя, где, наверное, темно. Видимо, все человечество так серьезно чем-то занято, что женщины стали вынуждены подносить сокровенные части своего тела столь близко к глазам мужчин. Раньше мужчинам хватало, чтобы дамский каблучок лишь на мгновение выглядывал из-под края платья, когда модница садилась в карету... на что специально собирались посмотреть мужчины неробкого десятка.

Я тоже был чем-то серьезно занят, что женщины вынуждены были мне подносить... целый год был чем-то занят, так что не видел цветов жизни... был ложнобеременен (это трудное слово) и псевдокормящ — трудное дело...

Но сроки вышли, жизнь прошла какое-то трудное место, потом прошла весна, потом зацвели ирисы, которые оказались великолепны. Что-то остановилось во мне, перестало отделяться от агрессивного внешнего мира пуленепробиваемым жилетом из моей трусости. Я ненадолго приоткрыл бронированные люки обоих глаз и увидел голубые ирисы...

Кулечки из папиросной бумаги, из них поднимаются великолепными султанами три фонтана тонкой мерцающей материи, недоступной пока модным кутюрье. Фонтаны струятся тремя вуалями с бахромой, тремя сросшимися львиными зевами, в каждом из которых язычок, поросший желтым пушком, плавно уходит внутрь зева, приглашая насекомое мужского пола окунуться туда, потерять там голову и пропасть в самом сладком месте Божьего Рая – так это великолепно, эротично и солнечно сотворено. Аромат оттуда слабый-слабый, но такой тяжелый и сладкий – точно такой витал в изысканных богатых салонах XVIII века во время бафов и маскарадов.

Мужчина попадает туда и перестает тяготиться проблемами современности, человеческими страстями, страданиями и неудобствами цивилизации. И кажется теперь, что мы полностью квиты...

Чего нет в автобусе

2014 год

В вечернем городском полупустом автобусе особенно в холодные российские времена года нет ничего. То есть в них есть определенная степень испытания человека на психологическую устойчивость, и это, наверное, все, что в них есть позитивного. Всего остального ни в автобусах, ни в троллейбусах вы не найдете: здесь ничего нет от полета духа (не считая авиационного дизайна). Здесь нет поэзии, и не могут здесь рождаться поэты; здесь вообще нет какого-либо представления о русском искусстве; нет керамических горшочков с цветами; музыки нет и запаха духов (все с воли, со свежего воздуха заходящие сюда пассажиры перестают пахнуть в автобусах хорошим). Все же плохое, что есть в городских автобусах, особенно вечерних, перечислять бессмысленно – все знают ту особенную скуку, в смеси с вокзальным одиночеством, и еще несколько разновидностей пустоты и вселенского холода.

Но и в этом, одном из скучных мест мужской цивилизации всегда нужно отстаивать положение о том, что мы вынужденно проживаем в мужской цивилизации, а не, например, в женской. У женщин все было бы мягче, гуманнее и светлее. Да, в этом грустном пространстве, грустнее которого толь-

ко вагоны метро, есть один вид красоты – женская! Женщины входят и выходят на остановках, подчас выигрывая по дизайну с передовой автобусной инженерной мыслью авиационно-космического проектирования современного железного автобуса.

Всем вычитанием хорошего из автобусной среды предусмотрено Провидением, уготовано и представлено для мужчин время хоть сколько-то отдавать должное женской красоте.

Да. Всем видно – на остановке в салон автобуса красота пришла. Вот еще одна красота, и еще, и еще. И видно, что красоты, как хорошей поэзии, никогда не бывает слишком много.

И видно всем, что красота женская нездешняя и не мужская. Во всех смыслах перечеркивающая мужскую всякую, в сравнении всякому видно сразу всю псевдоцивилизованность и серость всей и любой мужской жизни.

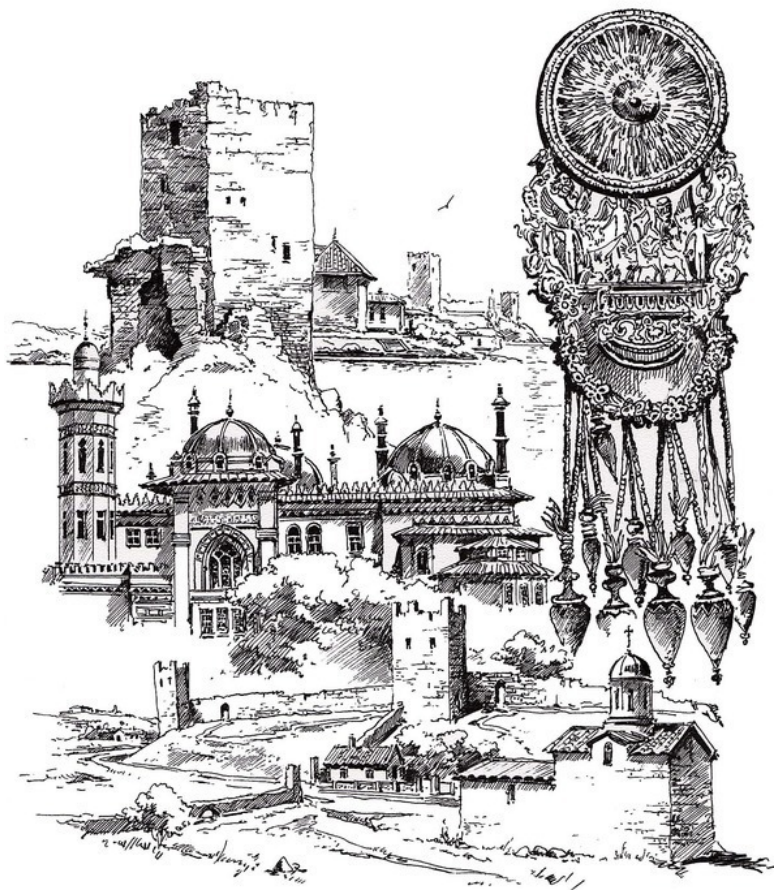
И видно всем, что у настоящей этой красоты отношение к жизни с большой буквы, отнюдь не потребительское – красота всегда молчалива. Красота никогда не говорит: «...а ну-ка покажите мне все, что у вас здесь есть мужского и достойного». Она никогда не снизойдет до такого, все лучше и гуманнее – вы должны сами подняться и дотянуться до ее высот. От коготков лакированных до лакированных каблучков и шпилек – все здесь представляет лучшее и высшее, чем так могли бы гордиться мужчины, конфузливо пряча свои

рабочие руки за спину... У женщин все по-другому: кожа фарфоровая, носики изящнее, кошельки и сумочки тоньше, прически выше, пуговицы, ляпочки тоненькие, мехом отороченные шубки. У мужчин все наоборот: кожа уличная обветренная, носы плоские, кошельки и портфели лопатами, пуговицы и лямки для рюкзаков, мех медвежий, на груди растет. Только мужчины перечисленного выше внешнего вида могли превратить движение из категории чистой красоты в средство перемещения по поверхности земли – «автобус железный, четырехколесный, дребезжащий». И другие все его мужские подобные изобретения – эти копящие адские самодвижущиеся машины с запахом керосиновой лампы.

И мужчины, оценив по достоинству все, сидят в своих твидовых пиджаках, в своем синтетическом мире, в своих железных автобусах, как в собственном фиаско, с красными ушами в апофеозе апоморфического своего мира, где у них так ничего и не получилось, все осталось без концов, дела – недоделанными, стрелки всяких ресурсов все время колеблются около нуля и единственное, что есть у них в их железных троллейбусах, усаженных на голове и подкованных адским грохотом вагонов на спине, – это женская красота.

Феодосийский базар

1995 год

Феодосийский базар по типу восточного – живет круглые

сутки.

Даже в четыре утра уже некоторым лунатикам не спится и для них уже приготовлены бабушки с сигаретами и пивом.

Даже ночью многочисленные хозяева ночуют возле своего товара на рынке, жгут костры, спят на солдатских походных кроватях, сидят в окружающих кафе, танцуют и печалются, напиваются и нет, грустят по дому и проявляют все высокие и низкие человеческие качества одновременно.

Сегодня днем видел высокого толстенького Хаджу Насреддина-Гомера, он ходил по рынку взад-вперед своего ларька и рассказывал, торгуя свой зефир и мармелад: «А на Кавказе я торговал, – горы, ущелья, на вершинах снег лежит. Базарчик прицепился как ласточкино гнездо к обочине трассы, которая муравьиной дорожкой ползет над пропастями. Крикнешь: «Покупайте зефирчик! И эх так: ...чик-чик ...чик-чик... чик-чик... чик-чик.... ЧИК-ЧИК!!!!!!!!!!!!!! ЭЭ-Х!

Покупайте мармелади-ик!

И снова ээх!!!

Вот красота была.

Я чуть было счастливым не стал.

Теперь жалею».

А вечерами, когда плотная тьма окутает город, на базаре под фонарями идет торговля тем, что пользуется спросом у гуляющего народца. И бабушки знают всю конъюнктуру рынка. Вот где нет проблемы возраста и проблемы отцов

и детей, а все потому что – взаимное понимание.

А в междуящичном пространстве киосков прячутся настоящие бармалеи и пираты. Однажды, когда в городе погас свет, а я с товарищем и с велосипедом шел по галерее ба-зара между бабушками с пивом, из тьмы, мрачней под луной, во всем черном на нас насунулся короткий и широченный Тролль. Его материализовала и родила возле меня тьма, с золотыми цепями на черной бочке грудной клетки. Собачьи Цепи, с католическими непомерными крестами на животе, огромными звеньями блестели зловещим желтым светом, как зубы, вырванные у местного дракона. Рожденный ползать до пояса из тьмы имел голову как блин, всю в лунных кратерах, без шеи и волос, без носа и ушей, с голосом как у спившегося пивовара, и он мне сообщил: беззвучно-сорванно, на ультразвуке закипающего самовара:

– Хуа ахэ вылысыпедах! АТСЕДАВА!

– Иззвиииннитте?

– Экх Хэ кхм, Уха ха отсудава!!

– Но, эээ, я же, вроде, Вам не наступил нна ногу?

– Пшл! рры хм аты сычас всуобойму в хм выпушу эррУ-эррГэнч!

– ???

– Дхавай! Дхавхай! Иди, – вывел меня из паралича его невидимый спутник.

И мы пошли с моим товарищем, впечатленные виденным миражом, всей его случившейся острой театральной опасно-

стью.

Шахерезада! Тысяча и одна ночь, восточный феодосийский базар!

Осень на новороссийском рейде

2004 год

Пассажиры держатся за леера. Многоэтажные здания на крутых берегах, как крабы, сползают к морю. Восемь цементных заводов с высоты потухших труб заглядывают на свои отражения в воде. Вырвавшиеся из прошлой необходимости попали в нынешнюю.

Тяга плыть и тоска по берегам. Корабли у одних, берега у других. Значит, есть смысл плыть. Все выходит из границ и возвращается в границы.

Желтый осенний стих. Желтая история, потом оранжевая. Истории разные, но цвета – любимые. Горизонт полон прекрасных вещей, они прорисованы с точностью греческой логии. Нет ничего более важного, чем что-либо еще.

Реновация в ритме ценностей XIX века

Мир уходящий. Мы ценим память предков, сохраняем старые фотографии, всматриваемся в лица людей смотрящих в нас из времен первой и черно-белой фотографии. Из любви к старине мы создаем новые термины публицистические, градозащитные, поэтические, искусствоведческие – свидетели эпохи, небесные линии старинных застроек...

Художники городского пейзажа – всегда хранители небесной линии наших городов. Бесконечны ряды сохраненного в их работах архитектурного наследия. Так, как мы сегодня можем видеть архитектуру наших городов, завтра уже не будет. Города меняют свой облик, страдают и исторические застройки. Старинная архитектура с теплом и бесконечным разговором солнца и тени в окошках и колоннах, на крышах и площадях позволяет не торопиться, забывая время быстрых скоростей. Каждый человек всю жизнь ищет «эту свою линию горизонта», едет за ней в отпуск, на море, ищет линию гор, эта линия – неотъемлемая часть, отождествляемая с понятием отдыха, воспоминаний и откровений. Рассмотрение классической архитектуры, панорам наших городов и милых сердцу мест относится к этому же порядку и разрядности. Улицы наших городов ритмически состоят из окошечек, чередований крыш, труб кварталов. Непрерывность эта длится и составляет музыку города. И иметь ее перед глазами – необходимая часть созерцательной жизни горожанина.

Каждый хранит в памяти свой город, как гарантию вещей, из которых построен его мир, гарантию узнаваемости, стабильности и защиты от вторжения. Это одна из многих обязательных причин, по которой люди сохраняют исторические застройки в своих городах. Улицы наших городов идут, они делятся в наших сердцах, они более всего подобны нотам,

являют собой музыку, знакомую с детства. Мы протестуем против вставок в «партитуру» других «композиторов». Сохранение небесной линии, небесной и голубой так понятно всем людям земли, так понятно и так старомодно...

Мы с уважением рассматриваем всякую безделушку в антикварном магазине, прошедшую через годы и века, горнила войн и революций. Но жизнь движется соображениями целесообразности. Целесообразность или экономика командуют на капитанском мостике эволюции, а любовь к старине и отеческим гробам не представлена в штатном расписании корабля. Они лишь маленькое место в сердце каждого из нас – от капитана до трюмного матроса.

Движимые «экономикой» вещей мы ускоряемся. Скорость торговых операций в единицу времени диктует финансовый успех. Это ускорение, это экономическое ускорение, соревновательное проникает во все уголки человеческого мира. Все скобяные и москательные товары теперь не из черного металла, пеньки и лыка, а из синтетики, все, где можно было, заменено на легкие и дешевые сплавы, заменено все вокруг в нашем океане жизни на более и самое легкое, и потому удобное. А сроки службы всех предметов быта и труда сокращаются и стремятся к одноразовости, поэтому их чаще нужно выкидывать, чтобы покупать новые. Обстановка несколько напоминает советских гротескный рассказ 1966 года «Непрочный, непрочный, непрочный

мир», где все вещи недорогие, но очень непрочные. А носить их и пользоваться ими закреплено законодательно, до такой степени, что пользование деревянной табуреткой – уже уголовщина...

Человек, сам придумав правила игры, уже не в силах их изменить: не может побить шестеркой туза...

Из общей тенденции развития вещей и взаимоотношений понятно, что реновация наших исторических центров неизбежно попадает в тенденцию «обновим быстро – заработаем много», и, как любое новое, это «быстро и много» придет к жителям исторических центров через разрушение и человеческую боль. Тем более в России, где традиционно вековечно не ценился простой человек. В ходе реновации центра Москвы люди отселены куда подальше. В ходе подобных историй в Петербурге накапливается «охотничий опыт» «на мирных травоядных» собственников жилья, теперь в историческом центре жить опасно, пока на очереди 242 дома Северной Коломны и Голландии. Сколько будет сломано здесь старины, как быстро погибнет «Вишневый сад»?! Как будет создаваться здесь «Золотая элитная миля» и что будет с отселенными людьми, – понятно по прошлому опыту Реновации, о котором принято не говорить и не анализировать в обществе, так быстро движущемся вверх. Туда, где прогресс, за который приходится расплачиваться все более непрочным миром.

Выставка Сейдамета на набережной города Феодосии в импровизированном шатре

Такая выставка могла возникнуть только в городе романтиков – в Феодосии. Феодосия влюбляется в романтиков, здесь они рождаются, творят свои чудеса и здесь они остаются навсегда. Поэтому полнится здешняя земля вином сказки и летающими людьми.

Такое вот и строение перед вами, дорогие гости нашего

города.

По сказочным законам – чем позже будет произнесено название места, чем дольше оно несет в себе вопрос, тем дольше длится его загадка. И тем дольше длится то впечатление, на которое мы рассчитываем.

– Что это? Что это? Для чего? Зачем?

Все вещи в природе таковы – они непонятно зачем, откуда? Они неизвестно и куда. И тайна сия велика есть.

Для того чтобы мы слышали пение птиц – вот зачем этот вигвам. Для того чтобы видели лица друг друга – вот зачем этот шатер.

Для того чтобы мы задавали вопрос: «Почему нам здесь так хорошо, хотя здесь ничего вроде бы и нет»! Вот для чего. Чтобы сказка нашего детства шевельнулась в нас и заспанно потянула ручонками...

Чтобы приснились ночью ворота кипчакского становища с лошадиными черепами на столбах и ветер бархатной ночи принес нам ответ: для чего она – ночь так прекрасна!

Для чего это все.

Я ни за что никому не скажу – для чего.

А вдруг эту прекрасную весть разнесут по всему свету быстрые птицы, которыми полно небо? Тогда придут сильные ветры, и будут срывать обитель, и трепать ее, пока не унесут в море.

Тайна и ответ, для чего же это этим чудакам понадобилось, ищутся в сердце своем.

Для того чтобы мы как в детстве спрашивали:

– Ой, а что это? А для чего? А-а-а, п-почему здесь кресло?

И если это происходит, то мы достигли своей цели.

Вот и ответ.

Это выставка счастливых вопросов и бестолковых ответов.

Это шляпа старика Хемингуэя и гитара его, а кресло это?

А это «Правильное кресло» – чтобы вы больше и не сядились в кресла неправильные или пластмассовые.

А если вы еще будете интересоваться – мы покажем вам древнегреческую бутылку – чтобы вы больше никогда в руки не брали современной. Любая современная бутылка, ее форма с этого момента покажется вам примитивной, некрасивой, нерасполагающей брать в руки.

А это – это бесплатный междугородний телефон, работающий на силе воображения. Вы заранее придумываете, кому вы звоните и какие вопросы задаете. И – задавайте их вслух. А потом вы представляете, – что бы ответил вам ваш вожденный абонент, и отвечаете это – можно шепотом.

– Запатентованная вещь! В мире пока еще не применяется нигде – спешите задавать свои вопросы!

И счастливого вам детства в нашей благословенной Феодосии!

Постскриптум: восхищение этой «выставкой» толкнуло меня познакомиться с ее организатором. Устроитель выстав-

ки называл ее выставкой самодеятельных художников. Он оказался татарин^{ом} из соседнего с Феодосией крымского городка Белогорска с красивым именем Сейдамет. Феодосийский скульптор Анатолий Логвинов сделал ему резные ворота из деревянных колонн на входе в шатер. Я выслушал о зловключениях Сейдамета, происходивших с ним в процессе получения разрешения под место для выставки. Почти дословно записал их за ним. Рассказ об этом размещен ниже: «Письмо Сейдамета».

Письмо Сейдамета голове г. Феодосии Шайдерову

Сейдамет.

29.06.1998 г.

Я, Черкезов Сейдамет, со своими друзьями – художника-ми-универсалами из Белогорска Крымской области, решил организовать бесплатную выставку деревянных скульптур и прикладного искусства и выставиться в г. Феодосии на набережной имени Героев Десантников. В этом был смысл задумки – чтобы как можно больше отдыхающих и местных граждан смогли посетить. На заседании исполкома одобрили мое заявление о предоставлении площади 7 на 8 кв. м. Архитектура вынесла решение, а отдел торговли дал выписку №43 приказа, технологический отдел архитектуры составил паспорт по моей просьбе, размеры указали 4 на 4 кв. м, так как денег у нас нет. У ЖКХ согласовали. За восстановление так называемого газона, который зарос травой, а рядом стоит убогое строение и мусорные баки. Я оплатил 359 гривен 20 июня 1998 года. Мы привезли экспонаты и начали устанавливать (не предполагая, что у кого-то на это место есть другие корыстные взгляды). Через 2 дня началось.

Первым пришел нач. Феодосия-курорт Коган В. В. и сказал – почему с ним не согласовали (хотя в паспорте места со-

гласования для «Феодосия курорт» нет). Даже не посмотрев документы, ушел. Через два часа является комиссия во главе зам. Головы, главным архитектором Шевченко, нач. отд. торговли Аббасова, нач. УЖКХ Пономарев В. В., нач. Феодосия – курорт Коган В. В. и майор милиции, – и в грубой форме со всех сторон..., словом, чтобы через два дня нас здесь не было.

Потребовали документы, просмотрев их, они зацепились за то, что вместо 4 на 4 кв. м мы заняли 7 на 8. Еще я понял свою наивность, думая, что отдел торговли не имеет к нам отношения, ведь мы ничем не торгуем и вход у нас бесплатный. А я, что – я попытался объяснить, что 350 гривен мы собрали всем миром и у нас не хватает денег даже на питание.

Значение выставки в том, что она создана для наших детей. На что Аббасова сказала – не трожьте детей и, плюнув в колодец, с которого мы все и наши дети пьем, ушла.

И меня удивило, откуда у них нашлось время среди сезона, когда у каждого из их кабинетов толкуются люди, которые как можно скорей хотят начать работу. С 24.06.98 г. приехали зам нач. УЖКХ Речко П. Б., Волынская Н. С. и старш. инсп. отдела участковых Лицицын Г. И. Подъехала груз. машина ЗИЛ-самосвал, мол, грузите, – вы выселяетесь. Прямо как 1980-е годы, когда сносили наши якобы незаконно купленные татарами дома (Сейдамет – татарин). Грузили нас с вещами в машины и вывозили за пределы Крыма или в ле-

сополосу за нарушение паспортного режима.

На удивление, сотрудники милиции, как и те, что были в составе комиссии, вели себя корректно и грамотно и даже как бы виновато. Когда я их спросил, на каком основании они нас выселяют, оказалось, что, кроме устного указания, у них ничего нет. Тогда я показал документ и квитанцию об уплате за место. Они ушли.

На другой день с нач. УЖКХ Пономаревым я попал к Голове г. Феодосии Шайдерову В. А. Я начал было объяснять, что его подчиненные терроризируют нас и делают это с одной целью – убрать нас с этого пустыря. На что он сказал, что они выполняют указание, и по привычке пошел в атаку – по какому праву и прочее. Все же Голова оказался выдержаннее, чем его подчиненные (все же не зря он Голова), и выслушал мое объяснение по поводу значимости выставки. И неужели это катастрофа – выделить несколько метров пустующей площади без оплаты. Тогда Голова Феодосии Шайдеров Владимир Александрович дал указание дооформить документы. Хотя я так и не понял, что нужно оформлять. Вывод один – выставка помешала кому-то положить в карман незаконные деньги.

Прошу разобраться и наказать виновных, чтобы предотвратить дальнейший произвол некоторых чиновников в отношении других наших граждан.

Отдельные чиновники и граждане г. Феодосии оценили духовную потребность нашей выставки, пошли к нам на-

встречу и благодаря их поддержке выставка радует тысячи людей, которые радуются и благодарят в своих отзывах. Но о них будет отдельное выступление в печати. Мир не без добрых людей.

Человек в сберегательном банке

Человек и кошка по ночам летают...

С. Гармаш

Человек сидит в банке на мягких диванчиках в окружении почти монотонно зеленоватых стен. Никакого дурного воздействия в зале на человека здесь не запланировано... Кроме спокойного ожидания. Воздух всех наук в содружестве обеспечивает в зале пространство, фон и цвет. Весь дружественный софт призван давать запланированные психолога-

ми ощущения: отдыхать, глазеть и получать порцию за порцией – покой, благополучие и надежность. Все будет благополучно, ведь я не перед кабинетом стоматолога, все обещает невмешательство в мою личность...

Вокруг меня самое лучшее творение Бога – люди, – самое удивительное всегда, везде и во все времена! Совершенно неизвестные мне люди городского типа. Ведут себя тихо. Хотя администрация банка предвидела и обратное – предусмотрены жалобы на обслуживание – красная кнопка, а в случае благодарности нужно нажать зеленую. Весь русский язык для скорости обслуживания совсем упразднен. Но тайна остается – люди это главная тайна и они перед вами! Не надо за ней ехать в Египет. Все тайны мира здесь. И все в банке – от кассирш, директоров и консультантов до Ангелов – здесь для них, для людей.

В отдельном помещении установлены разнообразные зеленые ящики – банкоматы. Я не в ладах с этими видами технической эволюции и стараюсь проходить мимо этих роботов побыстрее, потому что каждый из них, когда я прохожу мимо него, как будто говорит мне: «дурак», «дурак»... После ремонта в банке количество «роботов» только увеличилось, добавляя мне внутреннего дискомфорта. Как бы извиняясь за растущее техническое поголовье, возле роботов дежурит несколько живых сотрудников банка, стремящихся сгладить конфликт эволюции с населением. Но это не успокаивает, а только добавляет: позор общения с электроникой

становится засвидетельствованным, «всенародным».

Один художник выразился о своих художественных ощущениях в банке: абсолютно неживая среда, созданная не для человека и даже не для растений. А и нет их там. Холодное пространство представляет перед нами нереализованный проект плохого дизайнера. По менталитету оформление общественных помещений банка не вытекает из веков развития русской или европейской культуры. Идешь по культурной столице России и вдруг попадаешь сюда – псевдохайтек. Но среда эта создана не для молодежи. Пространство это – родной брат кафе Макдональдс – там тоже абсолютно не на что положить глаз.

Дизайн придуман безобразно. Он не находится в стилистике ни с чем, и с городом в первую очередь. То есть проект этот оформил человек, у которого нет идей. Заходишь и попадаешь как в медицинское учреждение: стены отстраненно и беспристрастно наблюдают за тобой. Зачем городу художники? Банкарам они точно не нужны! Равномерно закатать все стены в зеленый. Восходы, блеск воды на солнце, цвет листвы – импрессионисты точно не нужны. С банком происходит незанятная последовательность: у них нет возможности выбрать «подарок» в художественной галерее, хотя там есть из чего выбрать. Причин этому может быть много, но подсознание подсказывает всегда одну: потому что нет уверенного вкуса. Чтобы обезопасить себя от конфуза, заказывают «подарок» – брэнд и стиль дизайнерской фирме,

и фирма гарантирует, что «это хорошо». Опираясь на эту гарантию, банки принимают и утверждают. И подарок к юбилею, этот дизайн и брэнд, уходит на всю серию, во все города и филиалы как лучшее от самых продвинутых художников. В результате банк на всю страну с таким лицом, как будто нет ничего – Академии художеств, истории, культуры, ничего нет. Тринадцатилетнему ребенку уже как-то попадают эти мысли в голову, а «этим» господам не попадают... Выводы напрашиваются совсем посредственные: в совете директоров нет человека со сложившимся вкусом, то есть нет ни одного взрослого человека.

Проводники на железной дороге в поезде в своей массе по-человечески с тобой разговаривают, а в банке нет ощущения контакта с живым человеком. В этом видна Анатомия банка: во всем скелете его живые люди с необходимой быстротой заменяются банкоматами. Глупо и жалобу писать, и разговаривать с железным ящиком будет глупо и ненужно.

Иногда это остро ощущается. Тогда люди вглядываются в лица друг друга в очередях, жадно в кассах, с надеждой в магазинах и в общественном транспорте – с тоской... Это лица моих современников! Это открытие! Оно делается мгновенно, и память о нем до конца не удастся стереть никакими техногенным изменениями окружающей среды. Никакой матрицей и электрическими новшествами.

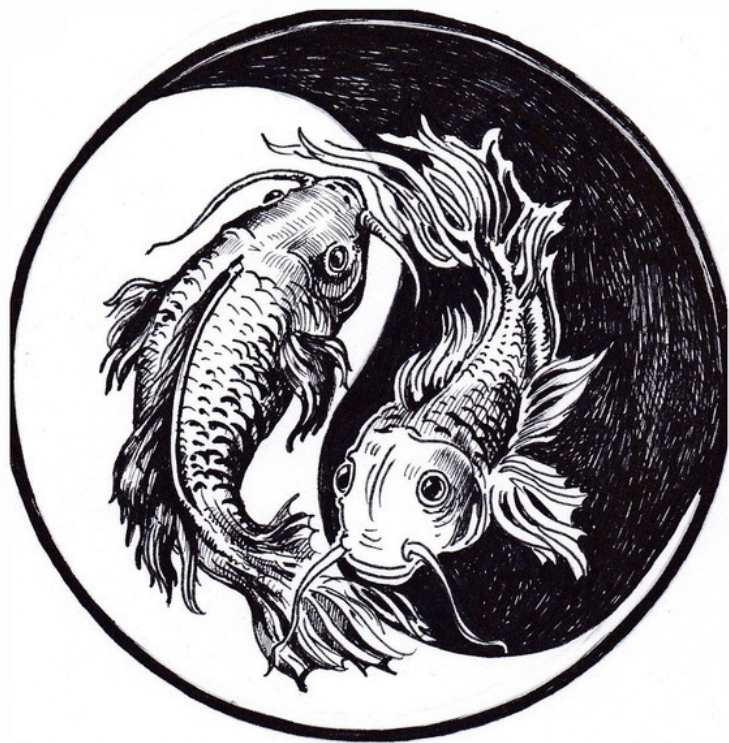
Ты улавливаешь, передаешь в пространство мысль, эмоцию! И у тебя получается. Ты теперь понимаешь, что лица

людей закрывал железный средневековый доспех. Временами ты забываешь, что ты и все вокруг – простые упаковщики услуг. Откровения и открытия живого человеческого лица для тебя как главное сокровище мира. И происходит это таинство в самом теперь неподходящем для этого месте – в магазине, в троллейбусе, в банке...

Но вот бронированные забрала вновь опускаются, и люди снова смотрят друг на друга через прорези шлемов, как из бойниц танков. Формы, позы, пластика и динамика человеческих лиц и фигур снова исчезают для тебя. Стилль: умеренно пастельные тона, земельные оттенки курток, по моде фуфайко-ватники.

Венец творения человек – посетитель банка России! Так незаметно Восемь тысяч лет и минуло. Но есть живые голоса – рядом сидели две женщины, разговаривали между собой и чему-то своему, житейскому тихонько смеялись. Человек выходит из банка на свежий воздух улиц...

Две реальности в банке

2015 год

Каждый человек создает свою субъективную реальность.

И в ней живет. Все банки сообща создают свою банковскую реальность. И мы в ней вынуждены жить. Легко видно, что человек живет в нескольких реальностях. Иногда одновременно. И с ума не сходит. Выглядит это даже «с юмором»: в Банке, прежде чем разговаривать, проверяют паспорт. С недавних пор теперь в моем паспорте ищут скрытые записи молоком, просматривая все страницы под инфракрасным «телевизором». ...Вам на имущество налог не начисляется. Льгота 100% как пенсионеру. ...Санкт-Петербург, город, основанный не богами, а человеком. ...А на вашу жену налог за квартиру начисляется. ...Этот город до сих пор – объект разговоров о необходимости и обоснованности его возникновения. ...Почему у обеих банковских карт – пенсионной и зарплатной – созданные пароли и логины приводят Вас в один и тот же личный кабинет. Вы должны задать не в нашем отделении банка, а в Москве через телефон горячей линии. ...Разговоры о необходимости и обоснованности Парижа, Рима и Афин никогда не велись, а в нашем городе ведутся уже 300 лет. ...Подробную выписку из Вашего лицевого счета мы можем Вам сделать только через месяц. ...Художник Бенуа ввел красивое и ласковое слово в русский язык – Петербуржцы. ...Выписку Вы можете также спрашивать по телефону через горячую московскую линию. ...Нет, СМС-кой Вас не уведомят, Вы должны самостоятельно прийти за подробной выпиской через месяц. ...Чувствую, что глупостями здесь не занимаются. ...Любое со-

бытие в Петербурге осуществляется на уровне символа. ... В Москве Вы также попросите, чтобы Вам расширили права, так как Вы договор УДБО (условно-досрочное банковское освобождение?) заключали еще в Новороссийске. ... Творцы города Петр Первый и Пушкин, который создал миф нашего города. ... Только в Москве Вы можете спросить источник поступления денег на Ваши банковские карты. ... Мрачный гоголевский и екатерининский Петербург. ... У Вас тут еще вклад универсальный на пять лет в Новороссийске открыт, о нем тоже в Москве ответят. ... Особенная пушкинская, поэтическая страница открыта была великим поэтом. ... УДБО это универсальное банковское добровольное обслуживание. ... До Бенуа Петербург был городом унылых доходных домов, тусклый и неприветливый. ... В виде графика распечатать выписку из Вашего лицевого счета Вы не сможете. ... Тусклый, неприветливый, казенный город департаментов и чиновников! ... У Вас, возможно, на другой паспорт была оформлена вторая банковская карта. – Точно! Самая соборная! Вот на ком надо было жениться! У вас как должность в банке называется? – Менеджер по продажам. ... На площадях горящие костры, возле которых грелись куцера, а позже революционные матросы. ... Какие налоги Вы отчисляете как налогоплательщик Вы сможете посмотреть только в налоговой инспекции... – Как Вас бабушки понимают? – Бабушки личные кабинеты не заводят. Предполагается, что у бабушек ноги болят ходить, а личный кабинет им

в облегчение. – Предполагается, что у бабушек глаза болят!..

В личном кабинете в разделе Налог На Доходы в разделе 2 НДФЛ и посмотрите свой доход. – А налоги? – Налоги Вам только работодатель даст. ...Прелесть водных протоков и множество театров, Театральное место и старинный цирк, превращенный в Мариинский театр.

Красота, увиденная Бенуа из города холодного, города канцелярии унылых доходных домов, вместе с «Миром искусства» открыли Петербург как город особой культурной ценности. Grimасы истории...

Мариинский театр. Опера «Конек-Горбунок»

2014 год

Начинается спектакль – опера «Конек-Горбунок». Идут сценки о русской работе. В России работа – потеха; работа выполняется легко и весело... а Иван-дурак работает веселее всех.

Картина 13, 14. Танцуют раскаяние молодых дурных тел. Раскаяние трех сыновей в том, что они валяли дурака, пока

отец работал. Их тела безудержно – медведи. Так себя ведут все млекопитающие в подростковом периоде. Лапы больше головы, уды выросли, тела... и качаются, как пьяные от молодости, как медведи-шатуны, от ощущения свободы широкого горизонта начала жизни и почти вседозволенности...

Картина 16. Танцует «Рыжая Анжела». С двумя дикими конями. Нормальный бы человек голову руками накрыл, чтобы ненароком копытом по голове не получить. А у Ивана-дурака хватает безрассудства еще и за копыта руками хвататься.... И народила «Рыжая Анжела» Ивану-дураку на радость жеребеночка – конька-горбунка... Есть теперь у него друг под стать Ивану, есть с кем скакать и веселиться от переполняющей их полноты жизни и молодости...

Картина 24. Прилетели жар-птицы на чудо нам и Дураку. И принялись клевать батины посевы. Так прекрасны и радостны птицы – просто сама красота... – столько радости и так прост язык детский их жестов: Туда полетим? Радостно спрашивает один другого. – Да – туда, туда! И понеслись...

Картина 27. И снова зрителю достаются брызги молодости и пассионарности нации.

У цыган с их индийскими улыбками свои танцы. Цыганам контрастны покорные движения танца крестьянок, находящиеся в полной зависимости и тесной связи с землей с ее благосклонностью давать урожай.

Картина 33. Вот и царь. Все как в русских сказках – и Иван на печи. И царь царствует тоже лежа на печи.... И на тан-

цевальные соревнования смотрит с печи. Мечта русских народных сказок (все делать лежа и здесь – с печи), наконец-то, воплотилась в русском балете-сказке...

Я гуляю по Вишневому

Вишнеево давно городок, в нем сорок тысяч населения, располагается он в Киево-Святошинском районе Киевской области, в трех километрах от Киева.

Я гуляю по Вишневому в поисках компьютерной конторы.

И ловлю себя на том, что здесь есть своя жизнь, отличная от Новороссийска. Много красной рябины во дворах, а вот и черная. Везде высотки и пятиэтажки вперемежку с частными домиками и огородиками. А год яблоневый, яблони все с большим урожаем сверху донизу, и вся земля тоже яблоками усеяна, а еще сливами и желтой алычой.

Стоит церковь – одно из немногих, что еще строят миром. Пусть не всем миром, но миром православным. Строят с девяносто седьмого года. Много сделано, аккуратно, из белого кирпича. Когда-нибудь и я так научусь, и это меня будет радовать.

Внутри гигантской девятиэтажки сохранился частный сектор. Всем жителям видно, как в соседних частных разваленных черных двориках ходят полуголые дядьки «по хозяйству».

У подъездов высотки растут груши. И груши висят – большие, зеленые.

Самое большое чудо – во дворе у высотки травянистый бугорок. Может быть, под ним емкость железная, может, пожарная, а может, с водой, не важно. Важно, что вдруг, на ровном месте – травянистый бугорок! Это на равнинной местности большая забава. И дети, конечно, на нем и на него – две тропинки детские. И тропинки эти «крутые», очень отличны от всеобщего вокруг равнинного рельефа. Микрогора. И все это чувствуют. Всем нужно забраться на эту высоту, в 1,7 метра, на 1,7 метра выше лавочек и соседних газо-

нов, выше полуголых частников за черным забором и вровень с окнами первого этажа! Все что-то другое чувствуют на этой горе. Я твердо знаю – если бы это был двор моего детства, то бугорок влиял бы на мои детские воспоминания сильнее всего остального двора.

На улице мыслителей Карла и Маркса, за забором дома №21, над кирпичным строением возведена длинная летняя застекленная мансарда. Естественно, совершенно не крымско-караимская, но похоже, приятно и интересно, что можно делать за 12-метровой летней застекленной верандой, за тюлем. Не иначе – там живет художник...

Земля какая в огородах и садах – черная!

Цветы во всех палисадниках вдоль заборов, яблоки везде и пьяницы – вот самые сильные символы Вишневого в этом сентябре.

Цветы здесь любит высаживать все население поголовно: в основном разные виды бархоток, очень много георгин и майоров. Роз и хризантем, дубков-астр почему-то нет.

Частные дома все небогатые. Встречаются по-украински аккуратные: белое с голубым или с салатным. Но в основном все неопрятно – деревянные дворовые постройки черные от времени, везде пригорожен старый хлам, доски, ящики. Дома побогаче – кирпичные, их теперь обивают снаружи пенопластом и потом пластмассовой вагонкой – пластмассовый мир!

В Украине богато граниту. Весь гравий благородно гра-

нитный, все железнодорожные насыпи, все стройки, в наружные облицовки магазинов даже в тротуарный бордюр заложен хорошо тесаный диабаз или диорит. А Москва облицована была когда-то известняком. В такой роскоши в Вишневом живем, но никто этим, кажется, не любит.

Мужчины в основном все с какими-то худосочными лицами. Никого толстых нет. Один типаж, как заводские напильники. Все, как изможденные партизаны карпатских лесов. Население, судя по всему, небогатое, человек с сотовым телефоном в руках на улицах – редкость. Автомобили западных марок – тоже редкость.

Равнина, много велосипедистов, у некоторых гастрономов на западный манер – металлические стойки для велосипедов.

Модниц почти нет. Все женщины деформированы в мужские серые ахроматические цвета.

Все время бросаются в глаза вывески «перукарня» – значит, здесь любят стричься.

Днем мужчины все черны, вечером пьяны, включая многочисленную молодежь. Пьянство происходит коллективно-тихое, в многочисленных открытых дверями настежь кафе, без музыки и иллюминации. Кафе тяготеют к первобытному балтийскому стилю, в основном тесано-деревянному. Дешевая водка (34 рубля), помидоры, арбузы и прочие осенние радости дешевле, чем в Крыму.

Речь на 85 процентов украинская, ТВ-передачи, наобо-

рот, на 80 процентов русскоязычные. Из-за общей внешней сдержанности населения друг к другу понять, как тут относятся к русским, затруднительно.

Вокруг знакомые деревья – каштаны, туи, есть пирамидальные тополя. И липы в цвету – в сентябре.

Наш дом краснокирпичный, пятиэтажный, мрачнокоридорной системы, где в темноте прячутся зимой личности целующиеся, пьющие и колющие себя с целью компенсировать потерянную в мире красоту.

Осень. Падают листья. Честные жители мечтают о косметическом ремонте на лестницах.

Дополнения: в Вишневом дважды за весну белили бордюры, зимой пилили деревья. Потом корчевали от них пни. Потом заасфальтировали все поврежденные пешеходные дорожки, даже внутри дворов. Нашему Новороссийску такое и не снилось...

Новороссийск юмореска

2001 год

Предлагаю продолжать нашу с Вами горячую переписку.

Поздравлять сел и письма писать!

Письма пишу.

Расскажу для знакомства, что было у нас в Новороссийске. В Новороссийске у нас поначалу ничего не было! А ко-

гда стали развязывать узлы – то нашли там много ошибок, наделанных еще древними хазарами. Так что – было на кого свалить.

С тех пор ничего не произошло. Но наметились глубокие изменения.

Все под Новый год с искренним вниманием рассматривают наши общие следы на дорожках и продолжают отыскивать наши общие места:

Вчера обратил внимание на звезды – у нас общие звезды!

Интересных газет здесь сейчас нет. Но, как у всякого уважающего себя населенного пункта, имеются места посадки летающих тарелок.

Еще приметы: у всех детей наушники в ушах. Можно спокойно материться. Надежные приметы времени. Однако совсем не слышно родной сибирской речи. Из-за Урала люди сюда не едут – представляете, какая тут глушь!

Тут трут шкуру о песок миллионы отдыхающих россиян.

Великая страна летом вся тут. На песке. Им море по колено.

Голодные до развлечений, от жары одуревшие по берегам отдыхают.

Много коренных кавказских народов – они жарят шашлык, едят бастурму, угощают хачапури, продают хаш. Турки есть, но уже не те, Трехбунчжный Паша их теперь тапочки шьет, эксплуатируя остатки русских на своих фабриках (эксплуататор!). Турецкие стены давно упали в море (сразу

после римских), и город стоит совершенно незащищенный! Улицы заканчиваются, упираясь в море, где и стоят корабли. «И на канатах лодочки гамаки» / недалеко от Смирны и Стамбула / и плыть не надо / «звезды всюду те же».

На улицах и базарах везде иностранная речь: «Муср, ветш, простины, подоельник, бузгалтир, пелмень, лапиша», жарко по-домашнему, и «помидорами не шевелить». У местных жителей солнцем истомленные лица – это диаспоры: армянские, греческие, еврейские и др. – у всех носы длинные и с них капает то, что в рот не попало. Русских почти нет. Редко попадаются остатки станичного казачества – они работают над тем, чтобы вернуть свою землю обратно. Приезжайте, надо поддержать!

Жители города любят свой город. Над входом мы написали: «Товарищ! Ты въезжаешь в Наш город. Не плюй!»

Горожане работают традиционными русскими, тяжелыми рабскими профессиями – они сваривают корабли. Зачем? – Для плытья. Ночью мужчины добывают цемент – работают ночными дробильщиками мергеля. При помощи нечеловеческого труда. После чего у нас тут все горы съедены, как булки осами. Дороги здесь узкие – на федеральной трассе, которая проходит через весь город, чтобы попасть в Сочи, часто бывает автомобильный засор (засорение бензина привело к прекращению движения автомобиля).

Часто бывают праздники – в эти дни всех просят пить.

Но пьющих, по примеру ненавистных всем народам США, становится все меньше. Отсюда вино на полях и виноградниках просто пропадает и его каждый новый президент выкорчевывает. Приезжайте выручать!

В праздники за всеми ходят с вином в руках и уговаривают: ну выпейте – это мускат розовый! – Кардинал и Изабелла, терн и Абрау, – мятые ягоды, вокруг пьяный воздух цвета каштанового меда! А все нос воротят. Юг – дикие нравы!

Жители же стараются одеваться по-европейски.

Вокруг заповедные места: Киленбалка – здесь килевались – вытаскивали корабли наружу. По традиции, здесь сильные ветра и каждую зиму многие корабли обрастают льдом и выбрасываются на берег по неизвестной причине, как киты.

Речки все на аланско-черкесский манер: Гипань, Кубань, Псебепс и Хотейай, Гелен – Джик...

Народ в целом приветливый, выращивают помидоры и другие фрукты по месту жительства, не выпячивая патриотизма, в отличие от Москвы, выращивающей свои урожаи в отдаленных местах Африки и Голландии.

В округе много доменов – видимо, здесь их коренное место: домены Кавказа, домены Домбая и дольмены интернета. Все дольмены в основном сосредоточены на здешней узкой полоске берега. Они с грустью смотрят на бывшее когда-то русским побережье и тоскуют о греческих героях, покинув-

ших здешние места вместе с Гомером и попутным ветром Илиады.

Далее идут щебеночные и песчаные карьеры, горы становятся все время выше. Жители занимаются собирательством, хотя открытые поборы разрешаются только налоговой инспекции. Городу достается очень мало – только доходы с дорог и троллейбусов, которые все время дарит жителям города губернатор, происхождением он из здешних, хотя в прошлом и коммунист.

Камня здесь на берега свезено столько, горы из него сложены высоченные, поглядеть страшно! Что если кто гор не видел, тот не поверит. Домам стоять негде. Много домов скособочено, все время к морю сползают.

О чем нисколько не пишут в газетах. Легкомысленные жители этим вызывают возмущение местных отдыхающих.

Есть вокруг городской бухты горы, в которых, кроме мергеля, добывают грибы и ползают черепахи – ими питаются местные беглые собаки.

Сапун-гора тут маленькая, не в пример Севастопольской. Но морской десант здесь высаживался большой, – все виноградники засыпаны железным остатками от гранат времен Второй мировой войны. О чем скоро мало кто будет догадываться, если дело так пойдет дальше.

Местные народы станичные, поэтому без особых выдумок даны всему географические названия: все овраги и низины зовутся щелями. В них и живут, начиная от первой до вось-

мой щели. А в последнее время заселили все окрестные высоты, считая от первого бугра до седьмого. География ясная и понятная. Можно поставить другим городам в пример.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.